

ЗАПАХ СТРАХА, ЗАПАХ ПЫЛИ...

Сейерстад Осне. Книготорговец из Кабула. (Серия «Записки путешественника»). Пер. с норвежского А.С. Турунтаевой. Санкт-Петербург: Амфора, 2007. 334 с.

Seierstad Asne. A Hundred – One Days. A Baghdad Journal. Translated from Norwegian by Ingrid Christophersen. Basic Books, N.Y.: 2005, 321 p.

Рецензия – Владимир Орлов

Вообще-то не в моих редакторских правилах перепечатывать материалы, которые когда-то уже публиковал в *Ядерном Контроле*¹. Однако тут есть веская причина правило нарушить: мировой бестселлер Осне Сейерстад «*Vokhandleren i Kabul*» («*Bookseller of Kabul*») – тот самый, который заставил норвежскую журналистку скрываться от мести той семьи, которая ее приютила и про которую она столь откровенно написала, – только что вышел в русском переводе. Ну и, к тому же, читательская аудитория *Индекса Безопасности* стала куда шире, чем была у его предшественника. И я рад, что с выходом книги Осне по-русски читательская аудитория и ее книги, несомненно, увеличится.

Читатель, который не перелистывает наш журнал, но читает его, думаю, не мог не столкнуться на десятой странице с цитатой Владимира Набокова из «Дара», одной из моих самых любимых, – но и одной из тех, что чаще многих тревожат меня. Будучи по образованию журналистом, – как, к слову, и автор рецензируемых книг (хотя наши с ней журналистские университеты отделяли два часовых пояса), – я особенно чувствую, как легко скатиться в своих оценках и комментариях к *безъюрному*, к *плоскому* миру газетных заголовков и штампов, о которых, иронически улыбаясь, пишет Владимир Набоков. Как часто журналисты, да и политологи сами создают в своем воображении – для собственного интеллектуального развлечения, для привлечения внимания публики, для заработка, а чаще для первого, второго и третьего сразу, – а потом и тиражируют отвлеченный мир ходячих *драчунов*, и выжимают максимум сюжетов из их воображаемых драк...

ЭТО ПРОЙДЕТ

Это мир читаемых нами ежедневных газет, слышимых радиосводок, просматриваемых теленовостей. В мире Осне Сейерстад – иначе. Там нет глубокомысленного политического анализа *истоков и следствий*. Там, казалось бы, не видно столкновений *геополитических интересов*. Даже герои и антигерои нашего времени (Ахмад Шах Масуд... Саддам... Карзай... Буш... Бликс...) – не более чем второстепенные персонажи, никаких *эксклюзивных интервью*, их лица лишь изредка мелькнут в массовке. А между тем Осне Сейерстад пишет о двух центральных событиях первой политической пятилетки *нового тысячелетия*: о разгроме режима *Талибана* в Афганистане (2001 г.) и об американском вторжении в Ирак (2003 г.). Она – единственная в мире женщина-журналист, которая вела репортажи и о падении Кабула осенью 2001 г., и о бомбежках Багдада весной 2003 г. В Кабул она шла вместе с силами Северного альянса (где-то в Узбекистане потеряв весь свой багаж). Багдад накануне американского вторжения она не покинула, так и появлялась перед телеаудиторией нескольких европейских стран с балкона отеля «Палестина» – под звук разрывающихся бомб.

Как она сама признается, войны странным образом притягивают ее. До Афганистана и Ирака были Чечня, Босния, Косово.... Но в ее книгах так же нелепо было бы искать *бالتальные сцены*, как и *портреты лидеров*. То, что по-настоящему интересует ее, – голова, лица, мысли простых, *маленьких людей*, которых *накрыла* война; и – что будет с этими людьми. А чтобы понять, как эти люди живут, что думают, Осне предпринимает, казалось бы, невозможное: красавица-блондинка из норвежского Лиллехаммера, завсегда-тай светских вечеринок Осло, оказывается в одеждах афганской женщины, глядит на мир сквозь узкую прорезь для глаз или бродит по закоулкам шиитских кварталов иракской столицы накануне первых бомбежек. И все время впитывает разговоры, уличные пересуды, уличные запахи, запахи, носящиеся в воздухе: запахи базара, запахи войны, запахи нищеты, запахи крови. Она, словно губка, поглощает все это, чтобы потом выплеснуть в своих книгах-репортажах. И это получают горькие, едкие духи.

Похоже, эти *запахи улицы* всегда интересовали Осне куда больше, чем мир политических персонажей. Еще стажирясь в Москве, между тоскливым офисом *ИТАР-ТАСС* на Тверском бульваре и кипением журналистской тусовки на Ленинградском проспекте, она, конечно, баловалась, любопытства ради, расспросами угощавшего ее черной икрой В.В. Жириновского или пыталась не зевать под монологи Г.А. Зюганова; но уже и тогда ей казалось, что лучше можно понять Россию не из этих отвлеченных монологов, а из окна поезда, идущего от Казахстана до Урала; и ехала она не в *Oriental express'e*, но в плацкартном вагоне. А когда писала о французском ядерном оружии, она предпочла проплыть до атолла Муруроа вместе с протестовавшими против ядерных испытаний и уже там столкнуться с французской полицией, а не изучать тома научных и политических изысканий.

Но на смену пейзажам Французской Полинезии для нее уже давно пришли иные... «Книготорговец из Кабула» принес Осне мировую славу. Книга стала бестселлером и была переведена более чем на тридцать языков. Теперь вот и на русский – хотя и выпущена у нас под абсурдным подзаголовком «Записки путешественника», зато в достойном переводе А.С. Турунтаевой.

«Восхитительный, проникновенный портрет обыденной жизни в стране, которую Вашингтон, как он утверждает, освободил, но которую он так и не начал понимать. Сейерстад пишет об отдельных людях, но ее послание читателям куда шире», – пишет, например, *Washington Post Book World*. Ему вторит *New York Times Book Review*: «Самое сокровенное описание афганского быта, которое когда-либо выходило из-под пера западного журналиста. Сейерстад – зоркий и зачастую лиричный наблюдатель».

Досадно, что питерская «Амфора» не удосужилась при издании книги в России (анонсированный тираж 5000 экземпляров, выпущенных при финансовой поддержке некоммерческого агентства *NORLA*) сопроводить ее авторитетным научным комментарием, – или уж хотя бы авторитетным анонсом.

Да, перед нами очень лиричная книга. То, что на поверхности смотрится как репортаж из семьи обыкновенного, довольно состоятельного владельца книжной лавки в афганской столице (что само по себе неслыханная журналистская удача: книготорговец приглашает Осне пожить в его доме, и она может раствориться среди его многочисленной семьи, дав волю репортерскому вуайеризму), на самом деле наполнено щемящими образами Афганистана: его высоких и худых жителей, его неприветливых гор и знакомых только *местными* перевалов, странных для иноплеменного взгляда ритуалов. И кругом эта пыль – и на улицах, и в доме, и даже в бане, вода не смывает ее, эта вечная афганская пыль будто скрипит у читателя на зубах, будто забивает его легкие, и мы с большой ощущаем запах этой неистребимой пыли... Не оттого ли по прочтении книги, в противовес историческому сюжету – *Талибан* пал, Кабул освобожден, новый президент избран, школы открываются... – это ощущение безысходности, порочного круга... И пересилить это ощущение не помогает даже эпиграф, предпосланный книге, – нацарапанное на пушту на стене кабульской чайханы *Migozarad* («Это пройдет!»).

Отсутствие в книге авторского *Я* делает ее куда больше чем журналистским репортажем. Конечно, это не совсем так: мы смотрим на каждый день в доме и в лавке кабуль-

ского книготорговца глазами Осне; мы слышим разговоры его двух жен, переживания сестры, заботы соседей – ушами Осне. Но само Я – за пределами повествования, будто Осне надела *шапку-невидимку*, и это мы вдруг оказались в построенном советскими строителями в шестидесятых годах в дар афганскому народу квартале, называемом просто *микрорайон*, и это при нас ведутся разговоры, которые обычно тут никому постороннему не доверяют. Конечно, Осне – не равнодушный зритель. Вот, кажется, сейчас она сорвется, выскажет все, что в ней накопилось, своему гостеприимному, но жестокому с близкими книготорговцу. Но она сдерживается, и повествование продолжается. Вот был *Талибан*: стражи Министерства по насаждению добродетели и искоренению греха приходили в дома, открывали книги и закрашивали в них изображения человеческих лиц; запрещали любые портреты; запрещали даже детские мягкие игрушки с изображениями животных и, проводя обыски в домах, распарывали эти игрушки на глазах у детей; запрещали воздушных змеев; запрещали музыку и танцы на свадьбах... Но вот *Талибан* повержен, кажется, мало кто проливает по нему слезы, особенно в Кабуле... Но что приходит на смену? Система образования давно разрушена, еще со времен советского присутствия; и мало кто стремится вновь восстанавливать ее для женщин. Местные порядки и устои тоже остались неизменными.

Хотя самые проникновенные страницы книги связаны со взглядом на Афганистан изнутри дома, самые тревожные страницы – когда Осне в своей *шапке-невидимке* с попутчиками, чьи голоса мы только слышим в книге, пробираются в сторону Хоста. Кругом идет охота на Усаму бен Ладена. Американцы – повсюду. Казалось бы, в Афганистан пришел мир. Но в этом путешествии из Кабула в Хост перед нами реальный мир, а не *сиэнэновский*. Это мир полевых командиров, таких как Паша Хан², которые вроде бы работают на американцев, но на самом деле просто передают американцам информацию о собственных местных врагах; американцы исправно наносят по тем удары; и уже потом выясняется, что никакого отношения ни к *Талибану*, ни к *Аль-Каиде* уничтоженные цели не имели, это были крестьяне... свадебные церемонии... люди, просто по каким-то причинам не угодившие Паше Хану. Таков же и его лютейший противник, полевой командир Камаль Хан. Осне вводит нас в сюрреалистический мир этих полевых командиров и подвластных им отрядов. Для них не существует никакой другой власти, кроме их собственной. Всю свою жизнь они провели воюя и другой, мирной жизни не знают. В их мире суровое почитание Корана сочетается с повсеместным гомосексуализмом: полевого командира сопровождают двое мальчиков с крупными желтыми цветами, вплетенными в волосы, – Осне они напоминают скорее девочек из Полинезии... И зловеще-загадочная Тора-Бора на мгновение превращается в безмятежно-солнечный Бора-Бора, но лишь на мгновение...

Кстати, о солнце: для меня один из самых сильных эпизодов книги – незамысловатый рассказ о девушке, заболевшей из-за нехватки витамина Е, ей просто нужно почаще бывать на солнце. Действие происходит в Кабуле – одном из самых солнечных мест на нашей планете; но девушка надежно укрыта от солнца – накидкой, домом, вековыми традициями.

Так что солнца в этой книге, как и в Афганистане, по-настоящему мало. Зато много наркотиков. И все больше... Усилия американцев по *демократизации* Афганистана вызывают у Осне только горькую усмешку. Она вспоминает местную поговорку: «Афганцем нельзя завладеть, его можно только взять напрокат».

СТО И ОДИН ДЕНЬ

«Багдадский дневник» пока не переведен на русский язык и лишь пару лет назад проторил дорогу к англоязычному читателю. Бестселлером, в отличие от «Кабульского книготорговца», не стал.

Две книги не похожи друг на друга. В «Багдадском дневнике» с *шапкой-невидимкой* закончено. Как и положено дневникам, авторское Я вынесено на первый план. Сначала ключевым словом становится *терпение*: когда Осне попадает в Багдад в январе 2003 г. и борется с иракской бюрократией, чтобы ее журналистская виза была продлена, чтобы

ей предоставили хоть какую-то свободу передвижения по городу. Но в основном ее попытки тщетны. В результате то, что делает ее книги таким захватывающим и сокровенным чтением – голоса и мысли маленьких людей, заглушено голосами чиновников-вымогателей из саддамовского министерства информации; российский читатель вряд ли найдет в этих портретах взяточников средней руки что-то оригинальное. Осне, находясь в Багдаде, томится в гостинице, как в застенке: опекуны из министерства отлучают ее от *улицы*. Да и в тех редких случаях, когда ей удается поговорить с простыми людьми, она слышит в ответ в основном отрететированные, гладкие фразы, за которыми ей так тяжело разглядеть, что думают эти люди о неизбежном – о готовящемся американском вторжении.

Осне пытается набраться терпения – «качества, наиболее необходимого, когда путешествуешь среди арабов», как прочитала она в старой книге. Иногда она не выдерживает и пытается сама смоделировать *невозможные* ситуации, например: «Какими бы глазами смотрело на нее Министерство информации Великобритании, если бы Ирак готовился к войне против Великобритании, а она была бы иракской журналисткой, интервьюирующей готовящихся к жестокой войне лондонцев... Вот иракские журналисты заселяются в лучшие лондонские отели, выбирают себе номера с наилучшими видами на предстоящие боевые действия, привносят свои привычки. Они привезли с собой противогазы и пуленепробиваемые жилеты, у них в достатке запасов продовольствия и воды, а по вечерам они собираются в самых дорогих местных ресторанах, заинтересованные только одним: когда же, наконец, их президент даст приказ прикончить Лондон, а затем возьмет под контроль промышленность и порты Великобритании, установит на длительный период свое господство, чтобы постепенно подобрать кандидатов в дружественное ему местное правительство?»

Но вот уже Колин Пауэлл произнес свою *обличительную* речь в Совете Безопасности, вот уже война становится неизбежностью, и вопрос только в сроке... и на смену *терпению* приходит *страх*. Осне признается: ей страшно. Ей страшно ждать бомбежек на седьмом этаже отеля «Палестина» напротив президентского дворца; ей страшно представить, что будет с Ираком потом. И страх царит кругом, пусть внешне и заглушаемый обычными багдадскими уличными шумами. Страх – в детях, которые находятся в ожидании войны. Осне встречается с ними вместе с норвежским психологом. Подростки не признаются вслух в своих страхах: «Мы будем защищаться». Но маленькие дети еще не могут фальшивить: «Боюсь, что на меня упадут бомбы... что убьют папу и маму и я останусь одна... но, может быть, когда Буш увидит по телевидению мертвых детей, которых он убил, он остановится?»

Дети, как и взрослые, готовятся к войне. Все умеют защищаться от химической атаки. И очень боятся, что американцы «*взорвут очень большую бомбу, от которой мы все умрем*». Осне не заостряет внимание на абсурдности ситуации, абсурд и так очевиден: американцы готовятся к войне с Ираком под предлогом того, что у Ирака есть химическое и ядерное оружие; у Ирака его нет, и детский страх – американское химическое и ядерное оружие, которое будет обращено против их страны.

В последние недели перед американским вторжением Осне становится немного легче общаться с людьми. Она слышит глухое недовольство шиитов и курдов против Саддама – вот-вот оно прорвется. Она сама не испытывает ни малейшей симпатии или сочувствия к Саддаму и его сыновьям, скорее брезгливость. Но она, как чуткий слушатель толпы, все чаще выхватывает и такие фразы, как, например, слова женщины по имени Мунтаха: «Мы съедем американцев, как если бы они были кроликами. Мы будем защищать себя кольями и камнями. Мы лучше сами выпьем свою нефть, чем отдадим ее американцам». Что это – эхо саддамовской пропаганды или предтеча *отечественной войны*? Осне все еще не уверена, но на ее пути встречается иракский священник-халдей, носящий в книге имя Альберт. Его пророчество все чаще и чаще, в разгар бомбежек, будет повторять сама Осне: «... а потом – гражданская война: курды... шииты... сунниты... террористы-самоубийцы».

Никаких террористов-самоубийц в Ираке в момент приезда туда Осне не было в помине. Они появляются накануне войны, как будто ниоткуда, а на самом деле – из Йемена,

других арабских стран; их отбор ведется в той же гостинице, где живет Осне; в день взятия американцами Багдада они исчезнут, будто растворятся.

Не уверен, что «Багдадский дневник» Осне станет вслед за ее предыдущей книгой бестселлером в сегодняшней, избравшей Буша Америке. Осне не входила в Багдад с победоносными американскими колоннами. Она была в Багдаде, когда на мирных жителей падали американские ракеты. И она смотрела в глаза родителям, чьи дети, за несколько минут до того игравшие на улице, вот уже лежат на асфальте, разорванные на куски: «За что?» – спрашивает ее отец, чей десятилетний сын лежит перед ним, в зеленых брючках, в майке, но майка разорвана – рана во всю грудь, от американского снаряда. «Я не могу ответить ему, – пишет Осне, – потому что США думают, будто у Саддама Хусейна есть ОМУ. Слова застревают у меня в горле. Он умоляет об ответе – а мне нечего ответить».

Осне делает фотографии убитых детей. У нее много таких фотографий. Но она знает, что ни одно из европейских или американских изданий, с которыми она сотрудничает – а таких изданий около десятка, и они все именитые, не опубликует фотографию лица маленькой девочки, убитой американской ракетой в Багдаде. Осне это лицо напоминает чистое лицо Мадонны. Но: «*Лицо убиенного ребенка – слишком сильный образ для международной прессы*».

«А ведь что такое по сути война, – пишет дальше Осне. – Ведь это когда люди умирают». Если в Кабуле Осне обращалась к Л.Н. Толстому и его «Анне Карениной», то в Багдаде наверняка не раз вспоминала Ф.М. Достоевского – стоят ли все эти битвы слезинки ребенка? На глазах у Осне умирает все больше людей. Потом американцы входят в Багдад... потом – ликование одних, апатия – других, страх – третьих, гнев – четвертых... У самой Осне на смену страху приходит, похоже, апатия. Ей хочется поскорее уехать отсюда. Ей не удается заглушить голоса улицы: «Буш разрушает мою страну»... «Он обещал, что открывает двери для свободы, но вместо этого открыл двери для хаоса...». А вот и голос оккупанта, двадцатилетнего паренька из Массачусетса: «Не знаю, правильная ли это война. Я вот там, в пустыне, думал о том, что мы делаем. Я против терроризма, но какая связь между Ираком и терроризмом? Я думаю, что это все из-за нефти. Ты видела? Хаос! И единственное министерство, которое нам поручено охранять, – Министерство нефти. Остальные пусть будут разграблены».

Битва за людские сердца... Ее тоже нужно суметь выиграть, пишет Осне. Она знает, что американцы безнадежно проиграли эту битву. Но за сто и один день в Багдаде она не успела услышать, что же в этих иракских сердцах... Она пыталась заглянуть в историю, глубоко-глубоко, в историю предков иракцев, в Месопотамию, к шумерам, которые первыми разделили круг на 360°, день – на 24 ч, час – на 60 мин и минуту – на 60 с; в Вавилон, с его *висячими садами*, о котором Геродот писал за четыре столетия до Рождества Христова, что его роскошь превосходит любой другой город в известном мире... Осне проходит через Ворота Иштар, ворота с вытянутой по-змеиному головой быка... Того Священного Быка, который был низвергнут уже много веков назад.

Но тут Осне останавливается. Она пишет о людях сегодняшних – и людях простых; она сторонится исторических параллелей. Она не пишет про *отвлеченных драчунов*, будь то Навуходоносор или Захария, Буш или Саддам. Бродя по разрушенному, разграбленному, пошло отреставрированному и ожидающему новой разрухи Вавилону, она только и роняет: *... но это было много, много войн тому назад.*

Примечание

¹ В основе данной рецензии лежит одноименная статья, опубликованная в *Ядерном Контроле*. №3, осень 2005, с. 157.

